

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ГЛАВА 1. Методологические проблемы и научно- организационные формы изучения демографических по- терь эпохи сталинизма	11
1.1. Основные подходы и используемые источники	11
1.2. Вопросы терминологии	25
1.3. Институционализация исследований.....	45
1.4. Современные формы представления исторических знаний	62
1.5. Проблемы периодизации и общая характеристика этапов	76
ГЛАВА 2. Советские и современные российские историки о масштабах и формах политических репрессий в 1937–1945 гг.....	94
2.1. Общая оценка сталинских репрессий	94
2.2. Феномен «большого террора» и его масштаб.....	119
2.3. Численность заключенных ГУЛАГа и спецпоселен- цев	147
ГЛАВА 3. Депортации народов СССР в отечественной ис- ториографии.....	174
3.1. Причины и характер этнических депортаций в СССР.....	174
3.2. Этнические депортации 1937–1941 гг. и их значе- ние.....	204

3.3. Принудительное выселение народов СССР в 1941–1945 гг. и его итоги	225
ГЛАВА 4. Оценка демографических последствий Великой Отечественной войны	248
4.1. Вопрос о цене Победы в советской историографии	248
4.2. Современные дискуссии о масштабе и структуре потерь в 1941–1945 гг.	261
4.3. Демографические последствия нацистской оккупа- ции и трагедия советских военнопленных.....	280
4.4. Становление отечественной историографии Холо- коста и проблемы определения численности его жертв.....	301
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	329
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	338

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

С момента первого издания нашей книги миновали семь лет. Первый тираж практически полностью разошелся уже вскоре после выхода, свидетельствуя о сохраняющемся интересе к теме, по крайней мере, в рядах профессионального общества. Однако не только это побудило нас предпринять ее переиздание. За прошедшие годы произошли различные события, оказавшие свое воздействие как на российскую историческую науку в целом, так и на изучение темы репрессий и потерь населения СССР в 1937–1945 гг. в частности. Они придали новые импульсы развитию историографии проблемы, выступавшей предметом нашего изучения.

В первую очередь, необходимо отметить меняющийся социально-политический контекст развития отечественной историографии. К сожалению, под его влиянием те крайности в оценках демографических последствий политических репрессий и Великой Отечественной войны, о негативном воздействии которых мы писали, усилились, отражая возрастающую степень конфликтности в современных «боях за историю». Нередко научная дискуссия подменяется навешиванием на оппонентов политических ярлыков, исторические факты используются для обоснования различных политических притязаний, а для разрешения исторических споров применяются юридические способы. Разумеется, история всегда выполняла инструменталистскую функцию, выступая важнейшим средством мобилизации масс на решение тех или иных задач, однако новые внешние и внутренние вызовы стимулируют данные тенденции. Добавим к этому расширяющееся «вторжение дилетантов» в условиях появления новых форм презентаций исторических знаний, для участия в которых становится необязательным профессиональное историческое образование и тем более работа по специальности.

Изменения в развитии самой историографии по-разному проявляются в разработке отдельных сюжетов, представленных в книге. В изучении темы политических репрессий в СССР заметно продолжающееся снижение общего числа профессиональных исследований и публикаций, а также количества посвященных ей научных мероприятий, форумов и конференций. Пожалуй, одним из немногих исключений остается

серия международных научных конференций из цикла «История сталинизма», но и их тематика меняется. В историографии последних лет практически отсутствуют новые оценки демографических последствий политических репрессий. Постепенная «маргинализация» темы отчасти является следствием определенной исчерпанности возможностей ее изучения на основе традиционной позитивистской методологии, о чем также говорилось в предыдущем издании. Трудно ожидать и в последующем введения в научный оборот значительного количества новых документальных комплексов, позволивших бы кардинально изменить сложившиеся представления о масштабах и значении политических репрессий, а вот их переосмысление в рамках новых научных подходов в полной мере сохраняет свои перспективы.

Напротив, изучение истории Великой Отечественной войны продолжает оставаться в числе наиболее активно разрабатываемых исследовательских направлений современной российской историографии. Немаловажное значение имеет реализация ряда крупных исследовательских и издательских проектов, выход новых документальных публикаций, введение в научный оборот новых исторических источников, значительное количество научных мероприятий разного уровня. И, как следствие, появление новых научных результатов, в том числе и в оценках потерь советского населения в период Великой Отечественной войны. С другой стороны, в изучении Великой Отечественной войны, остающейся главным местом памяти не только современного российского общества, но и ряда других государств на постсоветском пространстве, особенно сильно сказывается политизация.

В целом, динамика историографической ситуации создает новые вызовы в изучении масштабов и форм потерь населения СССР в 1937–1945 гг. Наряду с этим, многие положения работы, по нашему мнению, сохраняют свою актуальность. Поэтому мы оставили без изменений саму структуру и значительную часть содержания книги, дополнив текст новым предисловием, существенно обновив сведения об институционализации исторических знаний и расширив перечень историографических источников. Надеемся, что как и первое издание, она найдет своего читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оценки современной историографии существенно разнятся – от заклинаний о постигшем ее глубоком методологическом кризисе – до утверждений о наступившей эре свободы историописания. Переносимые соответствующим образом на прошлое и будущее исторической науки, они сопровождаются то отказом признавать ценность предыдущих историографических достижений, то опасениями «конца» истории как науки в условиях постмодернизма.

Как правило, крайности в оценках всегда далеки от реальности, но истину в данном случае невозможно найти где-то посередине уже хотя бы потому, что такой середины в «чистом» виде просто не существует. Гуманитарное познание вообще с трудом поддается строгому арифметическому измерению, а сторонники и противники различных точек зрения нередко оказываются в чем-то правы, а в чем-то нет – каждый по-своему. Бесспорно лишь то, что дальнейшее развитие историографии невозможно представить без критического осмысления предшествующего опыта, не сводимого ни к его полной апологии, ни к огульному отрицанию.

Одним из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, неизменно вызывающих в последние годы широкий профессиональный и общественный интерес, является эпоха сталинизма. Драматичные процессы формирования нового социально-экономического уклада в условиях жесткого политического строя, насильственные преобразования всех сфер жизни, проблемы выживания миллионов советских граждан стали предметом значительного количества различных по своему характеру и содержанию публикаций. Однако отказ от прежних стереотипов, с которыми успело свыкнуться не одно поколение, происходит непросто, сопровождается острыми дискуссиями сторонников различных взглядов, концепций, школ, порой приобретающими политизированный характер. За ними нередко стоят различия в оценках современного состояния страны и перспектив ее дальнейшего развития.

Наиболее острую полемику вызывает обращение к проблемам массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны. Несмотря на все содержательное отличие данных

исторических событий, имеющих во многом разную природу, у них есть немало общего, и не только в хронологии. Прежде всего, это их влияние на численность, состав и динамику населения советской страны. Действительно, и массовые политические репрессии, и Великая Отечественная война стали настоящими демографическими катастрофами для советского общества, последствия которых не преодолены полностью до сих пор. Анализ масштабов и форм репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. позволяет выявить общие закономерности демографического развития России в минувшем столетии, осознать значение, оказанное на него теми или иными факторами. Современные неблагоприятные демографические тенденции придают дополнительную актуальность рассматриваемой проблеме, заставляя задуматься о необходимости проведения сбалансированной демографической политики в России, призванной смягчить воздействие общественных потрясений.

К сожалению, крайности в оценках политических репрессий, Великой Отечественной войны и их демографических последствий, выступая основой для мифологизации советского прошлого, остаются одной из главных причин идейных разногласий не только в профессиональном сообществе, но и в массовом сознании россиян и жителей ряда других государств на постсоветском пространстве. Многочисленные конфликты интерпретаций, различные, порой противоположные версии и оценки советской истории приводят к ожесточенным «войнам памяти», не позволяющим достичь общественного согласия. Поэтому представляется достаточно важным историографическое обобщение опыта изучения рассматриваемых событий как основы для выработки исторического компромисса, формирования новой национальной идентичности. Без критического осмысления накопленного исследовательского опыта невозможно осознать и специфики современного положения исторической науки, ее социальной, интеллектуальной и духовной функций в обществе.

В последние годы проблемы историографии сталинизма активно разрабатываются отечественными и зарубежными

исследователями¹. Находят свое отражение в ней и многие вопросы изучения советскими и российскими историками масштабов и форм демографических потерь СССР в 1937–1945 гг. Однако немало сюжетов по-прежнему остается за пределами исследовательского внимания, характеристика других носит пока еще фрагментарный характер. В историографии отсутствует комплексный труд, обобщающий опыт разработки рассматриваемой проблемы. Особенно важным представляется ее восприятие в контексте развития современной историографической ситуации, отличающейся динамизмом и противоречивостью, с присущей ей выработкой новых форм презентации исторических знаний, пока еще не получивших соответствующего осмысления. Данное исследование как раз и призвано восполнить указанный пробел.

Работа выполнена на основе различных историографических и исторических источников. Историографические источники включают коллективные обобщающие труды, монографии, научные статьи, доклады и сообщения, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы конференций, справочную и энциклопедическую литературу, в которой нашли отражение потери СССР в 1937–1945 гг. Использование исторических источников позволило не только учесть их роль в выработке представлений о демографических потерях СССР, но и обосновать собственную авторскую позицию по данным вопросам. Это публикации официальных документов и мемуаров, периодические издания, речи и статьи советских руководителей, отдельные художественные и художественно-документальные произведения, а также электронные ресурсы, ставшие в последние годы важным источником формирования массовых представлений. Особенно важную роль в установлении

¹ Подробный обзор историографии сталинизма является слишком масштабной задачей, выходящей за рамки данной работы. См.: История и сталинизм. М., 1991; Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М., 1994; Советская историография. М., 1996; Историография сталинизма: сб. ст. М., 2007; Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан, 2009 и др.

масштабов потерь в годы Великой Отечественной войны и количества жертв политических репрессий в отдельных регионах России сыграла подготовка книг Памяти.

Надеемся, что представленная работа будет интересна как специалистам, так и всем читателям, равнодушным к трагической истории советского общества эпохи сталинизма и непростым судьбам отечественной историографии. Выражаем искреннюю признательность всем, кто своими идеями, работами и конкретными советами оказал влияние на выработку авторской концепции и ее реализацию в книге, а также непосредственно участвовал в подготовке данного издания.

ГЛАВА 1

Методологические проблемы и научно-организационные формы изучения демографических потерь эпохи сталинизма

1.1. Основные подходы и используемые источники

Многообразие существующих оценок людских потерь в СССР в период сталинизма можно свести к двум основным подходам. Разумеется, данная типология является достаточно условной, поскольку не учитывает различий в конкретных количественных показателях и оценках, приводимых авторами, в том числе, относящимися к одному и тому же подходу, а также их порой достаточно резкие разногласия между собой и многие другие факторы. Тем не менее, она акцентирует внимание на главном – исследовательской методологии, определяющей способ подсчетов и круг используемых при этом источников.

Первый подход по своей сути является конкретно-историческим, так как заключается в традиционном источниковедческом анализе комплекса документов, который, собственно говоря, всегда лежал в основе исторического исследования, особенно в условиях господства позитивистской парадигмы научного познания. Сущность его сводится к выявлению количества потерь в тех или иных демографических кризисах и катастрофах при помощи комплексов различных исторических документов, преимущественно официальных, подвергаемых соответствующей источниковедческой критике. Главным аргументом при определении масштаба людских потерь в этом случае выступает их отражение в тех или иных документальных свидетельствах, которые рассматриваются в качестве единственных, пусть и относительно достоверных источников исторических знаний. Поскольку в качестве таковых в основном рассматриваются учетные документы, содержащие статистические данные (для массовых репрессий это – документы органов НКВД – НКГБ – МВД – МГБ СССР, для периода Великой Отечественной войны – донесения о потерях личного состава Вооруженных сил СССР и др.), данный подход называют учетно-статистическим.

Однако имеющаяся в настоящее время в распоряжении исследователей источниковая база проблемы представляется чрезвычайно неполной, что в значительной степени ограничивает их возможности в создании максимально достоверной картины событий. Причиной этому является несколько обстоятельств. По мнению И. В. Павловой, официальные документы содержат сведения только о лицах, официально осужденных и репрессированных, и не учитывают, например, жертвы голода, погибших спецпоселенцев или представителей депортированных народов. Ставя вопрос о том, насколько вообще данный вид источников может адекватно отражать действительность сталинской эпохи, она справедливо отмечает, что «каждый документ должен быть сопоставлен с целым рядом других, прежде чем преподноситься в вид истины»¹. В ряде случаев советские правоохранительные органы шли на прямое искажение или сокрытие информации, и порой достаточно не просто разобраться, что скрывается за той или иной цифрой. Например, расстрелянные в местах лишения заключенные, в том числе убитые при попытке к бегству и по другим причинам, в документах санитарного отдела ГУЛАГа учитывались как «умершие от болезней органов кровообращения»².

К тому же многие документы, посвященные массовым репрессиям, погибли или были сознательно уничтожены непосредственно в сталинскую эпоху, другие не пережили последующих десятилетий, доступ к третьим все еще остается ограниченным. Современные исследователи указывают на то, что «наиболее существенные с научной точки зрения документы, способные в какой-то мере раскрыть “кремлевские тайны”, давно уничтожены»³. Например, когда материалы архивов И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и других советских лидеров поступили в Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) из Архива Президента Российской Федерации, выяснилось, что они

¹ Павлова И. В. От составителя // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С. 3–4.

² Земсков В. Н. Смертность заключенных в 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сб. ст. СПб., 1995. С. 174.

³ Макаренко П. В. Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 4. С. 144.

практически не содержат принципиально новой информации о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Вполне вероятно, что еще в 1930-х гг. и в последующее время из этих документов было изъято все, что компрометировало большевистскую систему. И. В. Сталин лично комплектовал свой архив и сам решал, какие документы оставить, а какие уничтожить¹. Другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) также самостоятельно решали, какие свои письма хранить в партийном архиве, а какие оставить у себя.

С. А. Папков отражает постепенно находящую все большее количество сторонников точку зрения, считая, что одним из самых сложных вопросов в изучении сталинских репрессий остается именно вопрос о численности их жертв в связи с отсутствием соответствующих свидетельств: «Поиски ответа на него до сих пор наталкиваются на трудно преодолимое препятствие – отсутствие достаточно надежных источников»².

Не лучше обстоит дело с источниками, характеризующими потери личного состава действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Согласно «Положению о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время», утвержденному приказом наркома обороны СССР 15 марта 1941 г., командиры частей, до полка включительно, несли персональную ответственность за точный учет потерь своего личного состава и своевременное информирование о них вышестоящего начальства. При этом все документы о потерях, за исключением извещений родственникам, служивших основанием для предоставления социальных льгот, являлись секретными. Военнослужащим должны были вручаться специальные медальоны с двумя листками, которые они сами заполняли. Предполагалось, что один экземпляр будет передан в штаб части или лечебного учреждения, а второй останется при убитом или умершем от ран военнослужащем³.

Тем не менее, не только в начале войны, но и в 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов.

¹ Волкогонов Д. А. Семь вождей. В 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 260.

² Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 255.

³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1994. С. 258–260.

Получившие же их не всегда заполняли листки, прежде всего, под влиянием фронтовых суеверий (считалось, что таким образом они приближают собственную смерть). Поэтому приказом наркома обороны СССР от 17 ноября 1942 г. медальоны вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь. К тому же рядовой и сержантский состав РККА после Советско-финской войны 1939–1940 гг. был лишен удостоверений личности – красноармейских книжек. Ввели их снова в действующей армии только 7 октября 1941 г., но и в начале 1942 г. красноармейцы по-прежнему не были ими полностью обеспечены.

Согласно установленному порядку, штаб полк был обязан каждые три дня представлять в штаб дивизии именные списки безвозвратных потерь. Дивизия представляла списки безвозвратных потерь три раза в месяц в Главное управление по укомплектованию войск Генерального штаба РККА¹. Но на практике учет личного состава велся крайне плохо, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, сопровождавшийся огромными потерями.

В «котлах» 1941–1942 гг., прежде всего на западном и юго-западном направлениях, погибло немало советских воинских соединений вместе со всеми своими штабными документами. Так, согласно описи 1 на документы, отражающие историю организации и деятельность Отдельного кавалерийского корпуса 51-й армии Северо-Кавказского фронта, находящиеся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) в фонде данного соединения значится всего одно дело². Причина проста: при подготовке к контрнаступлению штаб корпуса был атакован немецкими танками и практически в полном составе вместе со своим командиром генерал-майором Б. А. Погребовым погиб 29 июля 1942 г. в слободе Большая Мартыновка Ростовской области. В данном конкретном случае ситуацию несколько облегчает, что сохранились документы дивизий, входивших в состав корпуса. Однако от многих советских соединений

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. С. 258–260.

² ЦАМО РФ. Ф. 3463. Оп. 1. Д. 1. Попытка ознакомиться с ним одного из авторов данной книги оказалась неудачной, так как дела не оказалось в наличии по неизвестным обстоятельствам.

практически не осталось вообще никаких документальных свидетельств.

Вышестоящие штабы постоянно требовали от командиров частей и соединений навести порядок в данных вопросах, но этому мешали объективные обстоятельства. Порой опознать тела погибших товарищей оказывалось просто некому. В приказе заместителя наркома обороны СССР начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейского комиссара I ранга Е. А. Щаденко № 0270 от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины»¹.

Впрочем, и в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ заместителя наркома обороны генерала армии Н. А. Булганина № 290 от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь².

Сами методы исчисления людских потерь в войнах также нельзя считать окончательно разработанными, не существует и единой классификации потерь населения. Помимо **прямых** потерь, к которым относят погибших людей, выделяют **косвенные** – тех, которые не родились вследствие нарушения естественного хода демографических процессов. Под **прямыми военными** потерями населения отечественные исследователи понимают все случаи гибели людей или потери ими

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. С. 202.

² Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997. С. 360–361.

трудо- и боеспособности вследствие боевых поражений или по болезни во время войны, а также пленения неприятелем или пропажи без вести¹. При этом обычно разделяют собственно военные потери, т.е. потери среди военнослужащих, и потери среди гражданского населения. В каждой из этих групп разграничивают потери безвозвратные и временные.

К **безвозвратным** потерям относятся погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран на поле боя и в лечебных учреждениях, умершие от болезней, полученных на фронте, или умершие на фронте от других причин, попавшие в плен. По своему характеру они распределяются на боевые и небоевые. **Боевые** – это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен. К **небоевым** отнесены потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания, в том числе в войсках, ведущих боевые действия (погибшие при неосторожном обращении с оружием, в авариях, катастрофах и в результате других происшествий, умершие от болезни в лечебных учреждениях и на дому, покончившие жизнь самоубийством, расстрелянные по приговору военных трибуналов за различные воинские и уголовные преступления). Временные потери среди военнослужащих называют в отличие от безвозвратных **санитарными**. К ним относят раненых, контуженых, больных и обмороженных военнослужащих, утративших боеспособность и эвакуированных из района боевых действий в лечебные учреждения не менее чем на одни сутки. Военнослужащие, получившие легкие ранения, травмы или заболевания, не влекущие за собой выбытие из строя, в число санитарных потерь не включались.

Но есть и другие подходы к классификации военных потерь. Например, С. Н. Михалев указывал на различия в демографической и военно-оперативной точках зрения по данному вопросу. Демографические потери исчисляются по окончании войны и включают все случаи смерти или исчезновения без вести военнослужащих, независимо от причин (включая гибель на поле боя, смерть от ранений и болезней, в плену и исчезновение по неустановленным причинам). Согласно

¹ Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 40.

военно-оперативной точке зрения, убыль личного состава вооруженных сил исчисляется в ходе войны и включает павших в боях, умерших от ран, пропавших без вести и попавших в плен, независимо от их дальнейшей судьбы (возвращения или невозвращения после войны), а также раненых и заболевших, выбывших из строя с исключением из списков части. С. Н. Михалев отмечал неопределенность используемого понятия «по другим причинам», включающего наряду с безвозвратными потерями (погибших в авариях, осужденных к смертной казни), и санитарные, а также продолжавших воевать на фронте штрафников, отчисленных из армии по беременности женщин и др.¹ С. Н. Михалев также считал, что боевые потери должны включать умерших не только от ран, но и от болезней в боевой обстановке. В результате он определил долю небоевых потерь СССР в годы Великой Отечественной войны в 2,3–2,5 %², в то время как по официальным данным она составляет 4,85 % от общей численности всех безвозвратных потерь³.

Обращает на себя внимание относительность и неполнота имеющихся сведений о потерях в войне. Числившиеся погибшими военнослужащие могли остаться в живых, а пропавшие без вести воевали в составе партизанских отрядов на оккупированной территории. Многие военнослужащие госпитализировались за войну неоднократно, в том числе по ранению и болезни, и всякий раз учитывались заново. Поэтому в итоговых сведениях о санитарных потерях за весь период войны они проходят соответственно два и более раза. Повторный счет возможен не только среди раненых и больных, но и вообще при подсчете людских потерь. Например, если военнослужащий, возвратившийся в строй после ранения, затем погиб, то его дважды учитывали в потерях: первый раз среди раненых, второй – среди убитых. Под аналогичный повторный счет

¹ Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск, 2000. С. 15.

² Михалев С. Н. Указ. соч. С. 26–27.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 130.

попадают также военнослужащие, оказавшиеся в числе пропавших без вести, затем возвратившиеся в строй, а позже погибшие или попавшие в плен. Таких случаев «повторного» счета встречается довольно много, однако установить их точное количество практически невозможно¹.

В историографии отмечаются существенные трудности с оценками потерь в конкретных операциях и периодах войны. Вследствие нехватки источников и недостоверности содержащихся в них сведений исследователи нередко прибегают к расчетным оценкам. При этом за основу берутся три основные величины: данные о количественном (списочном) составе войск к началу и концу военной операции, а также количество полученного пополнения. Сопоставление всех этих данных позволяет определить суммарное количество потерь. Однако возникает малоразрешимая проблема с их распределением по видам. Если количество санитарных потерь еще можно установить по данным военно-медицинской статистики, то разделить остальную убыль в войсках на убитых и пропавших без вести просто невозможно. Тем не менее, данные расчеты приходится использовать исследователям и при определении общего количества безвозвратных военно-оперативных потерь Вооруженных сил СССР за весь период Великой Отечественной войны².

Еще сложнее ситуация с определением потерь гражданского населения на оккупированной территории СССР. Хотя массовые казни мирных советских граждан документировались самими оккупантами, при отступлении они стремились уничтожить любые свидетельства своих злодеяний. Гибель части советского населения в результате бомбежек, артиллерийских обстрелов, насильственных действий отдельных частей и военнослужащих вермахта, местной полиции и других причин вообще не была зафиксирована в документах.

В результате имеющиеся в распоряжении исследователей документальные источники не позволяют полностью определить действительные масштабы людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Ситуацию не позволяет полностью

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 8.

² Михалев С. Н. Указ. соч. С. 18.

прояснить и обращение к документам Германии и других государств. Стремление преувеличивать потери противника и приуменьшать собственные было широко распространено во всех воевавших странах.

Именно поэтому возник второй подход, который по своей сути является историко-демографическим, поскольку основан на сравнении данных статистики, отражающих влияние тех или иных демографических факторов. Его называют балансовым или методом демографического баланса, так как основные вычисления основаны на сопоставлении численности и возрастной структуры населения СССР в начале и конце рассматриваемых периодов. Его сторонники считают, что «простое суммирование разных категорий людских потерь» не даст полной картины¹.

Однако использование данного подхода также имеет свои сложности. Одна из них обусловлена тем, что метод демографического баланса предполагает сопоставление данных о населении в одних и тех же границах. Но в 1937–1945 гг. территория СССР существенно расширилась, а вместе с границами менялась и численность советского населения. При этом демографические изменения не всегда получали соответствующее отражение в документальных источниках.

Главными источниками информации о демографических процессах в СССР в 1937–1945 гг. являются статистические сведения, среди которых особенно выделяются всесоюзные переписи населения 1937, 1939 и 1959 гг. Переписи населения считаются важнейшим историко-демографическим источником, позволяющим выяснить динамику, численность и состав населения страны. Однако современные исследователи убедительно доказали, что и их результаты имеют лишь относительную степень достоверности, поскольку нередко зависели от социально-политического заказа.

Судя по тем большим надеждам, которые советское руководство во главе с И. В. Сталиным возлагало на перепись населения 1937 г., оно недостаточно хорошо представляло себе демографические последствия массовых репрессий. Однако

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 130.

текущие расчеты численности населения, производившиеся плановыми народнохозяйственными органами, сильно отличались от реальных демографических процессов. Согласно расчетам, население страны быстро увеличивалось, что должно было свидетельствовать о росте уровня жизни, и составляло на начало 1933 г. 165,7 млн чел., а к концу 1937 г. ожидалось, что оно составит 180,7 млн чел. Однако перепись 1937 г. насчитала всего 162 039 тыс. чел. Главные причины меньшей, чем ожидалось, численности населения, были связаны с массовыми репрессиями, коллективизацией, раскулачиванием и голодом 1932–1933 гг.

В результате правительство объявило перепись дефектной, а ее руководителей обвинили во вредительстве, выразившемся в намеренном недоучете населения. Многие из них были арестованы и погибли в ГУЛАГе, некоторых расстреляли (всех реабилитировали в 1950-е гг.). Результаты переписи были засекречены и опубликованы только в начале 1990-х гг.¹ При этом выяснилось, что недоучет составил всего 700 тыс. чел., или 0,43 %, что считается вполне допустимым. Согласно скорректированным данным, общая численность населения СССР в 1937 г. составила 162 739 тыс. чел.

Новая перепись населения состоялась в 1939 г. По прогнозам Госплана СССР ожидалось, что численность советского населения составит 170 млн чел. Согласно переписи, оно равнялось 170 557 тыс. чел. Краткие итоги были опубликованы в 1939–1940 гг., окончательные результаты по отдельным показателям – в 1947–1949 гг., полные – в 1990-е гг.² Но современные исследователи указывают на прямую фальсификацию результатов переписи и оценивают фактическую численность населения СССР в диапазоне от 167,6 до 168,9 млн чел.³ Немало неточностей содержали и данные текущей статистики в

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. М., 1999.

³ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 48–49; Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. С. 155.

рассматриваемый период времени, что неоднократно отмечалось в отчетах самих статистических управлений¹.

Определенную дискуссию вызывает сама методика демографических подсчетов. В. А. Тишков отмечает, что исследователи недостаточно внимания уделяли самой процедуре переписи и ее экспертному обеспечению, компетентности аппарата и идеологии, следствием чего выступало некритическое восприятие статистических данных. Например, отрицательный рост ряда советских национальностей в период 1926–1937 гг. объясняется чаще всего такими обстоятельствами, как голод, репрессии и насильственная коллективизация. В частности, уменьшение украинцев на 5 млн чел. или 15 % их общей численности большинство историков связывает с голодом. Между тем, больше всего численность украинцев и белорусов (в два раза) сократилась не на Украине, где, как считается, особенно «свиристествовал» голод, а в пределах РСФСР, потому что именно там шла их наиболее интенсивная русификация. Уменьшение численности казахов на 1,1 млн чел. (почти на 28 %) больше всего было связано с эмиграцией в Китай и с «перезаписью» в киргизы (до этого казахов называли киргизами, а киргизов – кара-киргизами). Голод в данном случае, как и среди украинцев, не был определяющим фактором столь значительного снижения численности группы. В. А. Тишков указывает на необходимость учитывать смену этнической идентичности в пользу другой группы и внешние (трансгосударственные) миграции².

Для оценки демографических последствий Великой Отечественной войны следует сравнить ожидаемую и реальную численность населения, с учетом снижения рождаемости в годы войны и повышенной смертности в послевоенное время. При этом требуется учитывать: 1) всех умерших в результате военных и иных действий противника, 2) всех умерших в результате повышения уровня смертности в период войны, как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях,

¹ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 11 и др.

² Тишков В. Демографические «голодоморы». URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/demografic.html (дата обращения 2.02.2011).

3) всех жителей СССР, покинувших его территорию в период войны и не вернувшихся до конца 1945 г., исключая военно-служащих, дислоцированных за пределами СССР и других граждан, работающих за границей, а также членов их семей.

Для выведения обобщающей оценки демографических потерь необходимо выяснить предвоенную и послевоенную численность населения СССР. Это сделать непросто, поскольку приходится учитывать многие обстоятельства. Требуется максимально точно определить численность населения СССР в границах к сентябрю 1939 г., а также изменения в период 1939–1941 гг. Особую сложность вызывает выяснение численности населения республик и областей, вошедших в состав СССР в 1939–1941 гг., так как в рассматриваемый период там не проводилось специальных переписей населения. Для установления достоверной численности населения данных регионов требуется привлекать данные текущего учета и движения населения за предшествующие годы. Но приводимые в различных работах данные нередко существенно расходятся. Так, численность населения Западной Белоруссии и Западной Украины оценивалась разными авторами в 8,16, в 10 и в 12 млн чел.¹ Современные исследователи полагают последнюю оценку крайне преувеличенной, так как до 2 млн поляков, оказавшихся в составе СССР, были репатриированы в Польшу и убыли на Запад в составе армии В. Андерса². Численность населения Бессарабии и Северной Буковины оценивается в 3,5–4 млн чел.³

В 1991 г. были опубликованы составленные Центральным статистическим управлением СССР по заданию Президиума Верховного Совета СССР накануне Великой Отечественной войны справки о численности населения страны на январь 1939 г., январь и сентябрь 1940 г., январь 1941 г. Они позволяли считать, что численность населения СССР составила к

¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 50. С. 233; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1958. С. 23; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1963. Т. 1. С. 248.

² Парсаданова В. С. Формирование национального фронта в Польше. 1944–1946. М., 1972. С. 243; Михалев С. Н. Указ. соч. С. 6 и др.

³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 83. 1951. Т. 6. С. 251 и др.

середине июня 1941 г. 200,1 тыс. чел.¹ Однако эти данные были получены на основе фальсифицированных материалов переписи 1939 г. Внесенные современными исследователями коррективы позволяют снизить их, а значит, и количество понесенных потерь в годы войны, на 4–5 млн чел.²

Военные и первые послевоенные годы характеризуются высокой миграционной активностью населения, в значительной степени затрудняющей проведение расчетов. Репатриация, реэвакуация, депортации, демобилизация, по словам Ю. А. Полякова, происходили «на фоне ослабленной, а во многом разрушенной системы учета», и данные о них отличаются «скудностью и противоречивостью»³.

Исследователи обращают внимание на то, что при изучении прямых потерь войны нередко требуется выход за ее хронологические рамки. Например, чтобы оценить смертность военнослужащих, находившихся к концу войны на излечении в госпиталях, следует принимать за окончательную дату не май, а декабрь 1945 г.⁴ В то же время в людские потери, подсчитываемые методом демографического баланса, не включают косвенные потери – детей, не родившихся в период войны вследствие снижения уровня рождаемости, а также лиц, умерших вследствие повышения уровня смертности в послевоенные годы (так называемое «демографическое эхо» войны)⁵. Следует учитывать и то, что численность жертв войны не всегда совпадает с общими демографическими потерями страны. В частности, это касается 450 тыс. советских граждан, оказавшихся за пределами страны во время войны и не вернувшихся по тем или иным мотивам на свою родину⁶.

¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21–26.

² Михалев С. Н. Указ. соч. С. 8.

³ Поляков Ю. А. Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сб. ст. СПб., 1995. С. 8–9.

⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 73–79.

⁵ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Указ. соч. С. 73–80; Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. С. 130–131 и др.

⁶ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан в 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 37–38.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru